

**ФИЛОСОФСТВОВАНИЕ КАК УПРАЖНЕНИЕ В ОСОЗНАВАНИИ:
«ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ТЕКСТ»**

Статья посвящена рассмотрению особенностей «перформативного текста» как способа представления философской рефлексии. Утверждается, что «перформативный текст» имеет форму «действия» — упражнения в осознании.

Ключевые слова: философия, абсолют, перформативный текст, осознание, духовное упражнение.

G.V.Melikhov PHILOSOPHIZING AS AN EXERCISE IN AWARENESS: «PERFORMATIVE TEXT»

This article deals with the «performative text» as away of presenting philosophical reflection. An hypothesis is suggested, according to which «performative text» is a form of «action» — an exercise in awareness.

Key words: philosophy, absolute, performative text, awareness, spiritual exercise.

В основании любой философской позиции лежит определенное *чувство бытия* — непосредственное восприятие первоосновы жизни. В философии эта первооснова утверждается в качестве *принципа* бытия или познания лишь после того, как философ *придет* к ней опытным путем (размышлений или каким-то иным образом, не будем отрицать и возможности мистического восприятия), сделав ее действительным центром своей мысли или даже всей жизни. Разум, Космос, Воля, Дух, Жизнь, Текст и т.д. и т.п. — все это не просто некие философские первопринципы, онтологические постулаты, это еще и *усмотренные* философом *начала* самого бытия — именно так философ *видит* реальность. *То, что есть* — первооснова жизни, которая полагается как Абсолют — исходный принцип данной философской позиции. Реально только *то, что есть*. Мир феноменов или явлений иллюзорен. Эту иллюзорность нужно понимать не в абсолютном, а в относительном смысле — мир явлений «пуст», «бессодержателен», он не имеет *сущности*. «Самость» вещей и явлений в своих истоках совпадает с Абсолютом — это одно и то же. Мир при всем его многообразии един. Самобытность вещей, безусловно, существует, но она вторична, преходяща, случайна и при определенном взгляде на нее исчезает, растворяясь в Абсолюте. Таким образом, *то, что есть* - двойственно: с одной стороны, оно представляет собой несубстанциональность и несущность, «бессодержательность» самых разных явлений, а с другой — является

апофатическим обозначением бескачественного и непостижимого рациональными средствами единственного *Единичного*.

Философия в нашем понимании не занимается поиском *сущности*, эпистемологическая проблематика не занимает в ней главенствующее место. Философствование — раскрытие себя *тому, что есть*. Написание *любого* текста, в том числе и данного, - упражнение в раскрытии себя *Единичному*. Удерживание себя в этой интенции, возможно, лучший путь к пониманию *того, что есть* то или иное явление или текст.

Что же тогда есть философия, если она стремиться постигнуть непостижимое? Не уничтожает ли она себя на этом пути?

Философия смиренно отступает, соприкасаясь с *тем, что есть*. Но что в этом плохого? Мудрец не испытывает ложного пиетета перед философией. Философствование — инструмент достижения определенных целей, мы перестаем нуждаться в нем, если цель достигнута. Некоторое время спустя, если есть необходимость, можно вновь обратиться к средствам философии, а если в этом нет нужды, не возбраняется заняться чем-то другим.

И все же, философствование, однажды открытое, будет существовать ровно столько, сколько будут появляться на свет люди, имеющие склонность к размышлениям. Философия — это еще и определенная *традиция* философствования. Если смотреть

на нее *извне* (философского дела¹), она представляет собой совокупность текстов. Среди этих последних особое внимание хотелось бы обратить на *перформативные тексты*.

Перформативные (философские) тексты, с нашей точки зрения, говорят о том, что *делает* их автор — он осознает. Различие между дескриптивными и перформативными предложениями ввел представитель аналитической философии Джон Остин в своей книге «Как производить действия с помощью слов?». Есть предложения, в которых мы выражаем ту или иную информацию, они описывают некоторое положение дел, например, «В этой комнате прохладно», «Петр написал новую книгу», «Бертран Рассел иногда выносил ошибочные суждения». Существует предложения другого рода, они не просто выражают действия, а сами являются действием, например, «Нарекаю этот корабль “Королевой Елизаветой”», «Завещаю наручные часы своему брату», «Спорим на шесть пенсов, что завтра будет дождь» [1, с.18-19]. Слова «нарекаю», «завещаю», «спорю» — не просто слова, а *действие* «наречения», «завещания», спора», совершаемые в момент их произнесения. Главной особенностью перформативных предложений является, согласно Д.Остину, то, что они никогда не могут быть истинными или ложными. Вряд ли нужно доказывать, что чье-то завещание может быть истинным или ложным; оно просто есть, нравится нам это или нет. По аналогии с дескриптивными и перформативными предложениями можно говорить о *дескриптивных* и *перформативных текстах*. Среди философских текстов можно обнаружить тексты, тяготеющих к дескрипции, - таково большинство произведений, при-надлежащих к эмпирической, научно-ориентированной традиции. В них описывается некое «действительное положение вещей»,

последовательно излагаются итоги исследований. Но есть тексты-размышления, в которых итоги - идеи, положения - не столь важны, в них раскрывается *путь*, которым шел автор к тем или иным результатам. Тексты-размышления перформативны, ценностью в них обладает само размышление, осуществляемое автором «здесь и сейчас» в момент написания текста. Выводы можно оспорить, но само размышление - степень концентрации мысли, способ философствования, стиль рассуждения и т.д. — самоценно. Кому придет в голову опровергать само *размышление* в «Рассуждении о методе...» Р.Декарта? Кому-то оно нравится, кому-то — нет, но оно таково, каково есть. Можно искать и находить *суть* этого рассуждения, а можно считать трактат Декарта самоценной перформацией - сделайте то же самое, попробуйте поразмышлять также, поупражняйтесь, вреда не будет! Перформативные тексты, безусловно, имеют содержание, но их лучше использовать в качестве *упражнения* собственной способности размышлять. Именно к этому стремимся и мы. *То, что есть* невыразимо, но ищущий вынужден заниматься *осознаванием*. Осознавание - единственный «путь» к *тому, что есть*. Так пусть речь (письмо) философа будет перформацией, выражающей интенцию на действие *осознавания*: философ снов-ва и снова пытается прямо сейчас, в момент написания текста, чтения лекции, *осознавать себя*.

С этой точки зрения перформативные тексты, если так можно сказать, «информационно бедны», они не пытаются описать сущность того или иного положения дел.

Философствование в нашем понимании, конечно же, состоит из ряда идей и утверждений, но если и есть у всего этого некая «суть», то она имеет отношение не столько к теории, сколько к «практике», «индивидуальному действию» и отражает нашу собственную попытку *сдвинуться* к *тому, что есть*, к Таковости всего. К этому же побуждает философ и всех остальных — *осознавайте!* Философствование есть упражнение в осознании, которое помогает

¹ Очевидно, не все в философском деле может быть сведено к чтению одних текстов и продуцированию других. Занятия философией могут иметь *внутреннюю* значимость для самих философствующих.

осуществить *сдвиг* к тому, что есть.

Существует много разных мнений относительно того, что считать предназначением философии. Философия может быть мудростью, теоретическим знанием или идеологией. В нашем случае философия — индивидуальное действие, духовное упражнение, она учит осознавать и быть *критичным*. Ее задача — *отстранение* всех *своих* ментальных построений, их осознание. Истина постигается интуитивно. Мысль отрывает человека от повседневной жизни, возносит его к *общему*, за многообразием частных и случайных фактов человек видит закономерность. Мысль — то единственное, что знает себя, свои собственные основания. Мысль имеет возможность превзойти саму себя, она *может быть* рефлексивной. Философское мышление учит ценить общее, признавать значимость критической рефлексии и не держаться за свою философию.

Философия, так как мы ее понимаем, не направлена на поиск умозрительной истины. Мудрость — не мысль, а заумная свобода, которая достигается заменой различающего (субъект-объектного) сознания на сознание недвойственное. Эта замена и есть *сдвиг*, которого ищет мыслитель, упражняясь в философствовании. Но он понимает, что бессилён сделать последний шаг и осуществить эту замену — это должно произойти *само*. Мысль подводит к порогу, и если она достаточно чиста, в ней отражается Невыразимое. Философское мышление (если оно хорошо «поставлено») все равно что медный щит Персея, начищенный до зеркального блеска — он позволяет философу увидеть *образы* недвойственной реальности². Образ не является Реальностью, но он принадлежит той части нас, которая уже готова прорваться «наружу» — к *тому, что* единственно *есть*. Мышление образами — необходимая составляющая нашего понимания философствования.

Перформативные тексты могут быть насыщены метафорами, и от них не следует

² Не все же время Персей боролся с медузой Горгоной. Что-то он делал до своей победы (на *пути* к ней) и что-то после нее.

ждать новых идей, небывалых концептов. Хотя язык не поворачивается сказать, что тексты Р.Декарта, Э.Гуссерля или А.Пятигорского скудны идеями. Просто философствование в данном случае исполнено сложностей и другого рода - трудностей осознания, зеркальной игры отражающихся друг в друге мыслей. Для характеристики этого типа философствования можно использовать термин «метапозиция», введенный А.Пятигорским. «Метапозиция, - утверждал известный российско-британский мыслитель — типичный радикализм самосознания» [2, с.318]. Философствование — рефлексивная надстройка над любой позицией. А.Пятигорский учил нас быть предельно критичным по отношению к собственному мышлению. Сначала нужно учиться мыслить, а потом приобретать навыки избавления от мыслей... Философ не держится за свои или чужие мысли. Пришли - хорошо! Ушли - еще лучше! Вместо того, чтобы воспринимать философию в качестве *теории* (мышления, бытия, общества и т.д.) в традиционном смысле, следует относиться к ней как к *работе осознания*, осуществляемой отдельным человеком. Перформативный текст — индивидуальная *работа осознания*, она, казалось бы, не имеет отношения к самому сознанию или мышлению³, но в этой *работе* определенно содержится что-то от того и другого — может быть энергия устремленности к *тому, что есть*?! Вчитываясь в перформативные тексты, которые содержат эту *работу*, мы — читатели — запускает механизм осознания, а это как раз то, что нужно философу. Осознавайте! — снова и снова говорит он. Все остальное придет само.

³ «Понимание [сознания — Г.М.] здесь — это не концепция сознания, а *работа с сознанием*. Значит, во-первых, возникает необходимость выделения чего-то, что к самому сознанию не имело, казалось бы, отношения и не рассматривалось как выделение чего-то имеющего отношение к сознанию и работе с ним; во-вторых, эта сама работа с сознанием (не «работа сознания», а «работа с сознанием»), которая и есть совершенно особый источник познания и знания». См.: Мамардашвили М., Пятигорский А. Три беседы о метатеории сознания. (Краткое введение в учение виджнянавады) // Пятигорский А. Избранные труды. — М., 1996. — С.62.

Итак, философствование о чем угодно осуществляется всегда в пространстве определенной традиции: мы прибегаем к помощи *чужой* мысли, сопрягая с ней свои рассуждения. Реальность, с которой имеет дело философ, - это, в частности, реальность, заключенная в тексты. Философствование непременно осуществляется в пространстве чтения, продумывания, обсуждения и создания философских текстов. Среди философских текстов встречаются тексты, в которых их авторы стремятся выразить довольно специфический вид переживаний и «знаний». Этих мыслителей не интересует ничего, кроме Одного. Перформативные тексты говорят не столько о *том, что* единственно *есть*, сколько о работе осознания (понимаемого и как рефлексия и как свидетельствующее осознание), ведущей к Одному. Перформативные тексты позволяют удерживать читателя в его собственной интенции на *то, что есть*. Изучение их — упражнение в осознании, критика всех и всяческих (своих!) ментальных построений, привычек и тем самым приуготовление к *сдвигу*. Личность философа, создавшего перформативный текст, отступает на задний план, предоставляя место *работе* осознания.

И последнее замечание. Необходимо различать перформативные тексты, созданные в интенции на постижение *Единичного* и перформации-размышления, ставящие перед собой другие цели. Тексты, скажем, Плотина и тексты Декарта — это совсем не одно и то же. Когда мы вводили представление о перформативном тексте, для нас важно было выделить одно важнейшее свойство этого вида текста — быть «действием». Этим «действием» может быть и размышление, и осознание в нашем его понимании. Еще раз подчеркнем: нас интересуют специфические тексты-перформации, созданные в интенции на обретение *того, что* единственно *есть*. Особенность этих текстов состоит в том, что они имеют форму упражнения в осознании.

Литература

1. Остин Д. Как совершать действия при помощи слов? // Остин Д. Избранное. — М.: Идея-пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. — 332 с.
2. Пятигорский А. О времени и о себе. Шестидесятые годы — от Афин до ахинеи. Беседа с Игорем Смирновым // Пятигорский А. Избранные труды. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — С. 318-335.